

УДК 882 (092)

**«КВАЗИПОЛИФОНИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ»
АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА КАК НОВАЯ ФОРМА СВОБОДНОГО
КОСВЕННОГО ДИСКУРСА**

Радбиль Т.Б.

*ФГАОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
Министерства образования и науки РФ, Нижний Новгород, e-mail: timur@radbil.ru*

В работе рассматривается проблема нейтрализации монологического и полифонического типов повествования в прозе Андрея Платонова, охарактеризованная автором через понятие «квазиполифоническое повествование», на основе теории диалога и концепции «полифонического романа» М. Бахтина. Проведен анализ языковых особенностей субъектной организации повествования в прозе Андрея Платонова, которые выражаются в квазидialogах и спонтанной имперсонализации речи. Исследован феномен «диффузности дискурсов», проявляющийся в неразграничении «точек зрения» и речи Повествователя и персонажей. Автор приходит к выводу, что принципиальная десубъективация речевого общения служит в художественном повествовании Андрея Платонова художественным средством воссоздания особой мифологизированной модели мира, в которой стертые грани между автономными сознаниями, которая реализует примат коллективного, «соборного», народного начала над индивидуалистическими устремлениями отдельной личности.

Ключевые слова: квазиполифоническое повествование, Андрей Платонов, язык русской художественной литературы XX века

**ANDREY PLATONOV'S «QUASI-POLYPHONIC NARRATION»
AS NEW FORM OF FREE INDIRECT DISCOURSE**

Radbil T.B.

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, e-mail: timur@radbil.ru

In the work a problem of neutralization between monologic and polyphonic types of narration in Andrey Platonov's prose referred by the author to as «quasi-polyphonic narration» from the standpoint of M. Bakhtin's theory of dialogue and his conception of «polyphonic novel» is treated. Language peculiarities of narrative subjective organization in Andrey Platonov's prose which are represented in quasi-dialogues and spontaneous impersonalization of speech are considered. Phenomenon of «diffuseness of discourses» which manifests throw non-differentiation of Narrator's and personage's «points of view» or speeches and its linguistic means of expression is analyzed. The author arrives at the conclusion that conversational desubjectification of principle in Andrey Platonov's narration serves as a poetic way to reconstruct some peculiar mythologized model of the world where borders between autonomic minds are obliterated, and it implements the priority of collective, «catholic» folk principle over individualistic aspirations of separated person.

Keywords: quasi-polyphonic narration, Andrey Platonov, language of Russian literature in XXth century

В XX в. складывается новая, крайне своеобразная «повествовательная норма»: происходит определенное обогащение возможностей художественного повествования, которое уже не сводится к простому противопоставлению повествований монологического и полифонического типа. Это связано с распространением и генерализацией нового типа наррации – так называемого «свободного косвенного дискурса» [5, с. 206–208; 335–337 и т.д.], где многие ролевые функции «всезнающего», нелокализованного в пространстве-времени и прагматически не мотивированного повествователя традиционного нарратива передаются «точкам зрения» и «голосам» персонажей.

Одной из главных особенностей подобного взаимодействия разных «точек зрения» является нейтрализация оппозиции *монологизм / полифонизм*, рассмотренной в работах М.М. Бахтина. Монологический тип повествования определяется как опредмечи-

вающее все другие голоса доминирование единой, авторской точки зрения в повествовании. Для полифонического повествования, которое явилось художественным открытием Ф.М. Достоевского, постулируется противоположная монологическому типу повествования установка автора на «чужое сознание», «чужое слово», где точка зрения автора выступает лишь как равноправный субъект в черед других субъектов – сознаний героев [1].

Исключительно сложные и неоднозначно интерпретируемые случаи взаимоотношения разных «голосов», «точек зрения» в плане интеракции «своего» и «чужого слова», на наш взгляд, проявляются и в субъектной организации повествования в прозе Андрея Платонова.

Цель настоящего исследования – описание основных особенностей особого типа художественного повествования А. Платонова с точки зрения нейтрализации противопоставления монологизма и полифонизма.

Материал и методы исследования

Материалом исследования являются тексты основных романов и повестей Андрея Платонова «Котлован», «Чевенгур», «Счастливая Москва», «Ювенильное море», «Сокровенный человек», – а также некоторых рассказов.

В работе используется метод комплексного когнитивно-дискурсивного анализа художественного текста, направленный на выявление языковых и текстовых сигналов полисубъектной организации повествования.

Результаты исследования и их обсуждение

Повествовательные формы, актуализованные в художественной прозе А. Платонова, демонстрируют крайне своеобразные формы взаимодействия «точек зрения» Повествователя и героя. Так, у А. Платонова вполне возможны случаи, когда авторской речи принадлежит главное, а речи героя – придаточное предложение в едином сложноподчиненном предложении: *Поэтому Дванов был доволен, что в России [революция вылолола начисто те редкие места зарослей, где была культура...]* («Чевенгур»). Прямая речь может также быть «расписана» как обычное придаточное предложение по модели несобственно-прямой речи: *Копенкин говорил с тремя мужиками о том, что [социализм – это вода на высокой стене, где пропадают отличные земли]* («Чевенгур»). То же самое – в бессоюзной конструкции: *Теперь ему стало хорошо: [класс остаточной сволочи будет выведен за черту уезда, а в Чевенгуре наступит коммунизм, потому что больше нечему быть]...* («Чевенгур»).

В этом смысле манера повествования А. Платонова отличается от сказа 20-х: «Принцип платоновского повествования лишь внешне напоминает «сказ», в сущности будучи ему противоположным» [10, с. 101]. А. Платонов изображает не чужое слово, не чужую мысль: авторское слово включено в слово героя, и, напротив, в слове героя присутствует слово автора. Даже в тех немногочисленных случаях, когда фрагмент точно может быть квалифицирован как принадлежащий автору (поскольку установлена дистанция, взгляд со стороны): *В то время Россия тратилась на освещение пути всем народам, а для себя в хатах света не держала* («Чевенгур»), – налицо своеобразное взаимопроникновение голосов, точек зрения: выделенный фрагмент в равной степени мог бы быть приписан как «точке зрения» героя (скажем, Дванова, чье путешествие описывает этот фрагмент), так и «точке зрения» автора.

Согласно Е. Толстой-Сегал, в повествовании А. Платонова вместо выделения конкретных точек зрения появляется «пла-

вающая» точка зрения, перекрывающая различные воспринимающие сознания [10, с. 100]. Именно в этом смысле, видимо, следует трактовать и ключевое положение Ю.И. Левина в работе «От синтаксиса к смыслу и дальше» (о «Котловане» А. Платонова): «Имплицитный автор растворен в мире персонажей» [3, с. 171]. Таким образом, мы можем говорить о своеобразной нейтрализации оппозиции *монологизм / полифонизм* в повествовании такого типа. Указанную нейтрализацию в настоящей работе мы и позволили себе, за неимением лучшего термина, условно именовать «**квазиполифоническим повествованием**».

С нейтрализацией подобного рода связано, например, своеобразие диалогов в прозе А. Платонова. Например, в «Чевенгуре» в ответ на конкретно поставленный вопрос: – *А что такое коммунизм, товарищ Чепурный?* – Чепурный раздражается путаной речью «за коммунизм» и, пытаясь найти «верную формулировку», лишь имитирует ответ: *Чепурный хотел подумать про коммунизм, но не стал, чтобы дожидаться Прокофия и самому у него спросить. Но вдруг он вспомнил, что в Чевенгуре уже находится коммунизм, и сказал: / – Когда пролетариат живет себе один, то коммунизм у него сам выходит. Чего ж тебе знать, скажи пожалуйста, – когда надо чувствовать и обнаруживать на месте! Коммунизм же обоюдное чувство масс; вот Прокофий приведет бедных – и коммунизм у нас усилится, – тогда его сразу заметишь...*

На повторный вопрос следует опять коммуникативно неадекватная реплика: – *А определенно неизвестно? – допытывался своего Жеев. / – Что я тебе, масса, что ли? – обиделся Чепурный. – Ленин и то знает про коммунизм не должен, потому что это дело сразу всего пролетариата, а не в одиночку* («Чевенгур»). – Аномальность таких коммуникативных актов в том, что определенный набор фраз произносится прагматически немотивированно, просто потому что они должны быть произнесены.

Вообще в диалогах в прозе А. Платонова реплики случайны по семантике, не связаны между собой прагматически, «не вынужденные ни социокультурной ситуацией, ни психологией участников полилога» [11, с. 76]. Неслучайно диалоги подобного рода польская исследовательница Мая Шимонюк именует *квазидialogами*, подчеркивая «немиметичность» диалогической коммуникации у А. Платонова [11, с. 72]. В нашей работе о прагматических аномалиях подобные случаи трактуются как аномальный коммуникативный акт – разновидность коммуникативно-прагматических аномалий

[8]. В диалогах подобного рода вообще трудно судить о границах «своего» и «чужого» слова, тем более что и речь самого повествователя ничем принципиально не отличается от речи описываемых им коммуникантов.

И. Бродский видит истоки такой своеобразной «субъектности» платоновского повествования в **имперсонализации** точки зрения на мир, актуализованной в прозе А. Платонова: «Платонов не был индивидуалистом, ровно наоборот: его сознание детерминировано как раз массовостью и абсолютно имперсональным характером происходящего. Его романы описывают не героя на каком-то фоне, а скорее, сам этот фон, пожирающий героя» [2, с. 204]. Мы охарактеризовали это явление как **диффузность точек зрения («диффузность дискурсов»)**, при которой зачастую нельзя с достоверностью сказать, кому принадлежит слово – автору или его герою [7]. Причем как явления «диффузности» следует верифицировать только внутренне немотивированные логикой повествования отклонения в текстовой актуализации «точки зрения» повествователя и героя и шире – вообще включения «чужого слова» в дискурс. Именно такие отклонения широко представлены в художественном повествовании А. Платонова.

В работе «Языковые аномалии в художественном тексте» мы выделяем два вида нейтрализации слова повествователя и героя в повествовании, возникающей (1) при передаче чужой точки зрения и (2) при передаче собственно чужой речи [9].

1. Нейтрализация точки зрения повествователя и героя, например, проявляется в употреблении «эгоцентрических элементов – предикатов внутреннего (эмоционального, ментального) состояния или восприятия» [5, с. 278–280] типа *наверно(е), должно быть, к сожалению* и т.п. В норме при нарративном режиме интерпретации в безличном употреблении подразумеваемым субъектом таких состояний в норме является персонаж, а во вводном употреблении – повествователь: «семантика вводной конструкции включает говорящего как субъект речи» [5, с. 280].

Однако в художественном повествовании А. Платонова происходит нейтрализация субъектности повествователя и персонажа: *Ветер твердел и громил огромное пространство, погасая где-то за сотни верст. Капли воды, выдернутые из моря, неслись в трясущемся воздухе и били в лицо, как камешки. / На горах, **наверно**, уже гоготала буря, и море свирепело ей навстречу («Сокровенный человек»).*

Здесь не разграничена субъектность повествователя, которому формально в нарративном режиме должна быть приписана

точка зрения, вербализуемая *наверно*. Однако по смыслу отрывка это *наверно* принадлежит Пухову – именно он, застигнутый бурей, а не дистанцированный во времени повествователь (который должен «точно знать»), оценивает возможный источник сильного ветра. Ср. аналогично – вероятностную оценку Пухова, в норме приписываемую повествователю: *В городе бесчинствовали собаки, а люди, **наверно**, тихо размножались («Сокровенный человек»).*

Подобные случаи вполне согласуются с выводом М.Ю. Михеева: «Все... основное в романе [«Чевенгур» – Т.Р.] – происходит где-то в сознании героев и самого автора. <...> При этом не всегда ясно (а скорее всегда неясно), чье же или кого именно из героев это сознание? Часто непонятно даже то, кому приписать всё просто видимое – главному ли герою, Саше Дванову, автору-повествователю или кому-то еще» [4, с. 262–263]. По нашему мнению, это вывод можно экстраполировать на большинство произведений А. Платонова в качестве определения общей «повествовательной доминанты» для платоновского повествования.

2. В нейтрализации слова повествователя и героя при передаче собственно чужой речи в художественном повествовании А. Платонова используются в общем те же принципы и приемы, что и при передаче чужой точки зрения. Чужое слово может присутствовать в речевом плане повествователя или героя и в качестве, так сказать, «непереработанного остатка», рефлекса чужого речевого материала: *Через два дня Москву Честнову освободили на два года от летной работы вследствие того, что атмосфера – это не цирк для пускания фейерверков из парашютов («Счастливая Москва»).* – Здесь в слово повествователя проникает отраженным эхом чье-то чужое слово (скрытая цитата), но ее субъектный источник не определен. Нейтрализация устраняется, если включить в дискурс глагол речи в нарративном прошедшем: *Через два дня Москву Честнову освободили на два года от летной работы [и сказали], что атмосфера – это не цирк для пускания фейерверков из парашютов.*

«Растворенность» повествователя в речи своих героев приводит к тому, что крайне трудно идентифицировать субъектную принадлежность того или иного фрагмента дискурса: *Себя самого, как самостоятельный твердый предмет, Саша не сознавал – он всегда воображал что-нибудь чувством, и это вытесняло из него представление о самом себе («Чевенгур»).* – Логика повествования и его структурная организация (логическая операция сравнения, которая обычно осуществляется субъектом сознания) одно-

значно приписывает выделенный сегмент повествователю, но характер словоупотреблений может свидетельствовать и в пользу отображения внутренней речи героя – это ведь Саша Дванов *не осознавал самого себя как самостоятельный твердый предмет*.

В равной степени и речевому плану повествователя, и речевому плану изображаемого героя мог бы принадлежать следующий выделенный фрагмент: *Солнце с индивидуальной внимательностью осветило худую спину Чепурного...* («Чевенгур»).

Заключение

Мы можем заключить, что намеренная многозначность в субъектной принадлежности дискурса вообще входит в художественную интенцию А. Платонова как установка на принципиальное устранение той естественной дифференциации между субъектами речи, которая существует в реальном мире и в реальном режиме использования языка. Смысл этой своеобразной «депривации» субъектного начала в повествовании А. Платонова заключается в воссоздании «странного» художественного мира по модели мифа. Источником такой мифологизированной картины мира являются аномалии в сфере языковой концептуализации мира, модели которых издавна апробированы и востребованы в мировой культуре: «Сложность и катастрофичность человеческой экзистенции, непознаваемость и иррациональность мира, ощущение его бессмысленности обеспечивают постоянный механизм регенерации в культуре моделей **аномальной языковой концептуализации мира** (абсурд, гротеск и пр.), своего рода «прототипические образцы» последовательно аномального, альтернативного рационально-логическому взгляда на мир и мыслительного освоения действительности» [6, с. 265].

В нашем случае можно говорить и о том, что в этом мифологизованном мире А. Платонова осуществляется псевдиалогическая репрезентация коллективного бессознательного, при которой грани между личностями как бы намеренно стираются, а индивидуальное начало, так сказать, «самость» личности ослабляется таким образом, что можно говорить вообще о **«десубъективации» речевого общения**. Быть может, так действительно общались на языке наши далекие предки. Но, скорее всего, это связано с общими мировоззренческими установками А. Платонова на примат коллективного, народного начала над индивидуалистическими устремлениями отдельной личности, что можно определять как особую, внерелигиозную платоновскую «соборность» (равно как и специфический, внеидеологический платоновский «коммунизм»).

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Худ. литература, 1972.
2. Бродский И. Катастрофы в воздухе // Сочинения Иосифа Бродского: В VIII т. – СПб: Пушкинский фонд, 2001. – Т.5. Меньше единицы. – С. 188–214.
3. Левин Ю.И. От синтаксиса к смыслу и дальше (о «Котловане» А. Платонова) // Вопросы языкознания. – 1991. – № 1. – С. 170–173.
4. Михеев М.Ю. В мир Платонова через его язык: Предположения, факты, истолкования, догадки. – М.: Изд-во МГУ, 2003.
5. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Языки русской культуры, 1996.
6. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. – 2007. – № 1 (13). – С. 239–266.
7. Радбиль Т.Б. Мифология языка Андрея Платонова. – М., 2012.
8. Радбиль Т.Б. Прагматические аномалии в среде языковых аномалий русской речи // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 12 (2). – С. 56–79.
9. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте. – М., 2012.
10. Толстая-Сегал Е. «Стихийные силы»: Платонов и Пильняк (1928–1929) // Андрей Платонов. Мир творчества: Сб. статей. – М.: Сов. писатель, 1994. – Т. II. – С. 84–105.
11. Шимонюк М. Деструкция языка и новаторство художественного стиля (по текстам Андрея Платонова). – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1997.

References

1. Bahtin M.M. Problemy poetyki Dostoevskogo. M.: Hud. literatura, 1972.
2. Brodskiy I. Katastrofy v vozduhu // Sochineniya Iosifa Brodskogo: V VIII t. SPb: Pushkinskiy fond, 2001. T.5. Men' she ediniy. pp. 188–214.
3. Levin Y.I. Ot sintaksisa k smyslu i dal' she (o «Kotlovane» A. Platonova) // Voprosy yazykoznanija. 1991. no. 1. pp. 170–173.
4. Miheev M.Y. V mir Platonova cherez ego yazyk: Predpolozheniya, fakty, istolkovaniya, dogadki. M.: Izd-vo MGU, 2003.
5. Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa). M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1996.
6. Radbil' T.B. Anomalii v sfere yazykovoy konceptualizacii mira // Russkiy yazyk v nauchnom osveshhenii. 2007. no. 1 (13). pp. 239–266.
7. Radbil' T.B. Mifologiya yazyka Andrey Platonova. M., 2012.
8. Radbil' T.B. Pragmaticheskie anomalii v sfere yazykovykh anomalii russkoy rechi // Russkiy yazyk v nauchnom osveshhenii. 2006. no. 12 (2). pp. 56–79.
9. Radbil' T.B. Yazykovye anomalii v hudozhestvennom tekste. M., 2012.
10. Tolstaya-Segal E. «Stihiynye sily»: Platonov i Pil'nyak (1928–1929) // Andrey Platonov. Mir tvorchestva: Sb. statey. M.: Sov. pisatel', 1994. T. II. pp. 84–105.
11. Shimonyuk M. Destrukciya yazyka i novatorstvo hudozhestvennogo stilya (po tekstam Andrey Platonova). Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1997.

Рецензенты:

Рацбургская Л.В., д.фил.н., профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания, ФГАОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Министерства образования и науки РФ, г. Нижний Новгород;

Юхнова И.С., д.фил.н., доцент кафедры русской литературы, ФГАОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Министерства образования и науки РФ, г. Нижний Новгород.

Работа поступила в редакцию 01.10.2014.